

⁷² Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск, 1901. С. 148.

⁷³ Аргудяева Ю.В. Сведения о хозяйственной деятельности старообрядцев... С. 29.

⁷⁴ РФА. Информация Е.В. Макуриной.

⁷⁵ РФА. Информация Ф.М. Нагорнова.

⁷⁶ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁷⁷ РФА. Информация П.П. Сотникова.

⁷⁸ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 8, л. 50.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁸¹ РФА. Информация А.А. Лапика, 1923 г. рожд., пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края.

⁸² Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 6, л. 37; Арсеньев В.К. За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке. Владивосток, 1925. С. 12.

⁸³ Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация русских крестьян... С. 27.

⁸⁴ РФА. Информация С.Г. Масалова.

⁸⁵ РФА. Информация А.Д. Проценко.

О.Б. Гордеева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В 1930–1940-е гг. В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Тридцатые–сороковые годы XX столетия сыграли большую роль в истории Забайкальского старообрядчества. И, хотя история раскола практически не знала спокойных периодов, эти десятилетия стали переломными в современной истории старообрядчества. Время, словно совершив виток спирали, заставило раскольников вновь взяться за старообрядческие книги, усилить молитву, осознать себя приверженцами старой веры или отказаться от веры как таковой, потому что политика государства снова была направлена на полное уничтожение старообрядчества. Но к уничтожению священников, уставщиков, к разрушению молелен и староверческих церквей в тридцатые годы прибавилось и истребление крестьянства как класса. Самые крепкие крестьянские хозяйства были разорены, их главы расстреляны или сосланы в Красноярский край. Церкви разрушены, иконы и книги сожжены или свезены в музеи, дома лучших хозяйственников были отданы спецпереселенцам и активистам. Процесс полного уничтожения забайкальского старообрядчества как «классово чуждого элемента» был остановлен только началом Великой Отечественной войны.

Именно военный период остро поставил вопрос о возрождении семейских деревень: потребовался запас продовольствия, лошадей, валяной и кожаной обуви и одежды для фронта, которые могли и дали забайкальские крестьяне-староверы. Геноцид крестьянства был остановлен только угрозой физического уничтожения государства Российского как такового.

Согласимся с мнением крупнейшего исследователя Забайкальского старообрядчества Ф.Ф. Болонева, писавшего, что важнейшими и невероятно сложными для старообрядцев стали периоды коллективизации, Великой Отечественной войны (1941–1945) и послевоенного восстановления народного хозяйс-

тва. Именно они стали временем кардинальной ломки их сознания, прежнего хозяйственного и бытового уклада, а также проверки на прочность веры и стойкости¹.

Настоящая работа является попыткой исследования обозначенного периода. В ней впервые вводится в научный оборот материал, накопленный в результате экспедиций. Нам удалось записать подлинные свидетельства народной жизни, побывав в старинных семейских селах Забайкалья в 1980–90-е гг. — Тарбагатае, Большом Куналее, Десятниково, Верхнем Жириме, Надеино, а также побеседовать со старообрядцами из Бичуры, Мухоршибири, Красного Чикоя, Шаралдая. Эти свидетельства дороги сегодня еще и тем, что не осталось в живых почти никого из тех, кто мог бы рассказать о подлинных событиях 1930-х–1940-х гг. в старообрядческих селах. Мы намеренно не вносили орфографические и стилистические правки в рассказы забайкальских старообрядцев, чтобы сохранить яркие особенности народной речи.

Кроме того, полагаем необходимым определиться с основными терминами. Мы будем говорить о потомках старообрядцев, сосланных в Забайкалье во второй половине XVIII в. Исторически сложилось, что в ссылку они приходили семьями и сами себя называли «семейскими». Так возникло самоназвание «семейские». Хотя, по свидетельству многих путешественников, забайкальских старообрядцев еще называли «поляками», потому что многое и в речи, и в одежде, и в особенностях быта напоминало прежнее их место жительства — Ветку и Стародубье, а также иные городки и поселки на юго-западе, где они прожили около ста лет после ухода из России². Ссылнопоселенцы сами себя определяли религиозной общиной. Они молились по своему уставу, и поэтому главными в их среде даже в советский период были «уставщики». Семейские не выходили замуж и не женились на людях другой веры (если же и случались крайне редко межнациональные браки, то брачующиеся просто обязаны были принять «древлеправославную веру»). Забайкальские семейские вплоть до тридцатых-сороковых годов носили старую русскую одежду, берущую свое начало в допетровской Руси.

Главное, что позволяет даже в советское время забайкальских старообрядцев считать достаточно замкнутым этническим

и религиозным сообществом, — это их приверженность к старым церковным обрядам и к древним православным молитвам. Без молитвы даже в лихое советское время, когда вся религиозная жизнь оказалась под запретом, у большинства семейских староверов не обходился ни один день. Молились тайно, «по домашности», как они это называли. Молитвенное правило вычитывали наизусть и передавали в устной традиции. Женщины-активистки и партийные мужчины перешли на светскую форму одежды. Во время Великой Отечественной войны из-за бедности забайкальские староверы стали носить одежду, сшитую из грубой конопляной ткани — «кулевую одежду». Об этом говорят записи, сделанные нами в разных селах и у разных респондентов. Однако тяготы военной жизни заставили забайкальских староверов вытащить из сундуков «запрещенную» семейскую одежду и вернуться к традиционному жизненному укладу, испытанному веками.

Несмотря на многие существующие религиозные запреты (не только в одежде, но и в питании), а может быть, и благодаря им, старообрядцев и сегодня можно назвать очень выносливыми, закаленными, сильными и здоровыми людьми. Словом, такими как писал о них профессор Иркутского государственного университета А.М. Селищев весной 1919 г.³

Временные рамки, к которым относятся живые свидетельства наших респондентов (жителей старообрядческих деревень Забайкалья), ограничены 30–40 гг. XX в. Народная память сохранила мельчайшие подробности быта 1930-х гг. Подробности трагические, порой неудобомыслимые. Например, куналейский старообрядец Куприян Евгеньевич Петров, вспоминая о своей службе на флоте, описывает случай, потрясший воображение деревенского парнишки, никогда до армии ни на каких морях не бывавшего. Вместе с этим рассказом, вдруг возникает рассказ о родителях, о матери, умершей через пять месяцев после его ухода в армию. Для нас же главным в рассказе Куприяна Евгеньевича является чудовищный эпизод о том, как его старшего брата Нефёда расстреляли в 1935 г. «на бараньем дворе», т.е. на скотном дворе за то, что он был крепким хозяином, имел двух лошадей. Деревенские активисты не посмотрели даже на то, что у Нефёда было пятеро детей и жена-инвалид. Может быть, трагедия семьи Петровых затеряется в общей статистике расстрелянных в трид-

цатых годах священников, «кулаков» и «подкулачников». Кому-то может показаться, что по сравнению с Бутовским полигоном в Москве трагедия семейских сёл слишком незначительна для истории. Но для Куприяна Евгеньевича — это его жизнь, судьба самых близких ему людей — матери, отца, брата.

Вот пример этой записи: Куприян Евгеньевич Петров, житель села Большой Куналей (род. в 1907 г., диктофонная запись 1989 г.). «Нас у отца трое детей было. Брат старший — Нефед Евгеньевич, я — Куприян Евгеньевич, сестра Евфимия... Брата моего взяли за кулачество. Сказали — богатый! Жена хромая, пятеро детей! Он, дескать, богатый. Две лошади у него было. С ним еще шесть мужиков взяли в Мухоршибири. И отца тоже ни за че взяли, сослали на ссылку в Красноярском. Отец в то лето дома был, а брат в Сутае был, их в 1935 г. взяли. Отец умер у Красноярском. А с братом шесть человек мужиков взяли и расстреляли всех! На бараньем дворе оне лежали, я там после расстрела был...

Меня в 1929 г. взяли в солдаты, а мать в 1930 умерла, пять месяцев прослужил, пришла похоронная. Я ишо сейчас этого старшину ругаю, три раза в штаб ходил. Не пустил меня мать похоронить родную!

У 34 году я прибыл, колхозы начались. Я когда поехал в армию, у меня пять лошадей было, когда вернулся через два года, у меня осталось только два коня тут. Один был у брата в Мухоршибирском районе, а другой был у мене дома. А у брата хозяйство распродавали, брата в Мухоршибири взяла милиция. Этот дом у меня был, я поехал в Мухоршибирь. С милиции коня забрал. «Лошадь брали у Петрова?» «Брали!» «Давайте, вот документы, лошадь моя». Привел. А потом меня в 1935-м году под «твердый налог» подвели. Посев на сопке я сделал, две лошади у меня было. Теперя под твердый подвели, под суд сдали. А я им говорю: «А вы не знаете решения Верховного Совета — колхоз освобождается от налога на пять годов, а единоличный сектор — на три года!» Я посев сделал, оне меня под твердый подвели, судить стали.

В колхоз я не пошел. Я не колхозник. Мене дали задание: заплатить 2000 рублей налогу. Лошадей обеих взяли, по тысяче каждая. В то время деньги дорогие были. И пшеницу мою, кото-

рую я посеял, всю забрали, смолотили. Сами свозили. Я ее отвел в суслоны, оне смолотили. Ну, смолотили, ладно! Кончено дело! Меня Артамонов судил, судьей был. Я говорю на суде: “Граждане судьи! Указ Верховного Президиума есть? А вы меня под твердый подвели?”. У меня все забрали, лошадей забрали, зерно взяли. Че ж я буду в колхоз заходить? Какое у меня мнение о колхозе? Я стал потом работать: кочегарил и лесником работал. Вот в чем дело.

До раскулачивания мы хорошо жили. Отец не так был старый, брат с женой работали — куда с добром! Десятин восемь-десять сеяли зерна, картошки убирали. Молодые были, сила была. У Тугнуе сеяли, четыре лошади запрягалось. Вот лошадей запрягу в час ночи и еду в Тугнуй пятьдесят километров обыденкой. Утром приеду в Тугнуй, 24 мешка нагребем, на сани я сложу и домой вечером приезжаю. Еще вечером к девкам успевал. А потом опять — в час ночи 50 км пробегу, утром в Тугнуе и опять домой. Обыденкой называется — не ночевал я там. Я дома ночевал. Утром приеду, мешки нагребем, лошадей покормим, запрягу я и домой. Я на работу огонь был! Какая бы не была работа! Вот пойду охотничать — ни волков не боялся, ни медведей...».

Почему создание колхозов в семейских деревнях шло с таким трудом и с такими жертвами? Подсказку нужно искать в свидетельствах путешественников, наблюдавших быт семейских со стороны. Писатель и путешественник А. Мартос, побывавший у старообрядцев Забайкалья в декабре 1823–январе 1824 г., писал: «Русские, избрав берега Чикоя и Хилка своим отечеством, перенесли сюда же и образ своей домашней жизни, дух веселонравия, деятельность и свои привычки гостеприимства. Довольство, чистота блистали в светлице пришьельца! Так, в недрах Сибири жители Стародуба, Добрянки, Гомеля обрели для себя новое отечество, а неутомимое прилежание, деятельность даровали переселенцам возможное на земле счастье. Настоящее поколение, родившееся за Байкалом, довольно своим настоящим»⁴.

В записках барона А.Е. Розена, декабриста, следовавшего в Петровский Завод в 1830 г. через Тарбагатай, говорится, что это довольно обширное село, напоминающее хорошие села ярославские, приволжские по наружному виду жителей и просторных домов. «...В Тарбагатае мы дневали и имели время и случай рас-

смотреть все подробно. Мне отведена была квартира одного из братьев Чебуниных... Дом в несколько горниц с большими окнами, крыши тесовые, крыльца крытые. В одной половине дома обширная изба для рабочих с русской печкой для стряпанья и печения, в другой половине — от трех до пяти чистых горниц с голландскими печками, полы покрыты коврами собственного изделия, столы и стулья крашеные, зеркала с ирбитской ярмарки. Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами. Хозяйка наша Пестимья Петровна угостила нас на славу щами, ветчиною, осетриною, пирожками и кашицами из всех возможных круп от гречневой до манной и рисовой. Во дворе, под навесом, стояли все кованые телеги, сбруя была сыромятная, кони были дюжие и сытые, а люди, люди!.. ну, право, все молодец к молодцу... все у них соответствовало одно другому: от дома до плуга, от шапки до сапога, от коня до овцы — все показывало довольство, порядок, трудолюбие»⁵.

Сходное впечатление от семейских деревень осталось и у декабриста М. Бестужева: «Здесь называемые семейские деревни изумили бы любого русского и огромностью и довольством». А Н. Бестужев писал сестре: «Здесь, по Чикюю реке, есть селения, где не только равнины, но даже горы до самых вершин запахиваются, куда соху надо завозить верхом и заносить руками и где пашут на таких крутизнах, что борозду можно делать только сверху, на верх соху на руках заносить должно. Этот пример трудолюбия почти всегда награждается урожаями... особенно известна так называемая тарбагатайская пшеница»⁶.

Смеем думать, что и в конце XIX в. довольство староверческих семейских деревень было не меньшим, потому что цесаревич Николай (будущий российский император Николай II), возвращаясь из кругосветного путешествия через Верхнеудинск, пожелал сфотографироваться с семейскими уставщиками. Не потому, что жаловал церковный раскол, а потому, что, как глава государства, прекрасно понимал, какой весомый вклад в экономику Верхнеудинского и Селенгинского уездов вносили семейские. Они кормили хлебом сотни тысяч сибиряков, не вынуждая государство приобретать продовольствие за границей.

Такое экономическое положение семейских сохранялось вплоть до 1930-х гг., когда до этих мест дошло колхозное дви-

жение. Староверы назвали это время «вражда», «смута». Зажиточные семейские крестьяне почти все попадали под определение «кулаков» и «подкулачников». Почти половина староверов была сослана, многие были расстреляны. «Колхозы» (их семейские называли «коммунами») могли быть образованы на основе одного-двух хозяйств, поэтому-то на разоренных «кулацких» дворах спешно образовывались так называемые «коммуны». Сохранилась статистика: в Большом Куналее в 1933 г. было 11 колхозов, в Десятниково — 9, Тарбагатае — 14, Куйтуне — 6, Надеино — 4, Новой Бряни — 3. В 1934 г. произошло укрупнение колхозов. В Большом Куналее их стало пять, в Десятникове — два, в Тарбагатае — восемь, в Куйтуне, Надеино и Новой Бряни — по два.

Афанасьев Леон Власович, житель забайкальского села Куйтун, до своей смерти в 2000-х гг. был старообрядческим уставщиком. Рядом с его домом стояла молельная, где он служил по церковному староверческому обряду, собирая богомольцев. В 1930-е гг. он был еще подростком, но хорошо помнил время, когда увозили на расстрел священников, разрушали церкви. Дед Леона Власовича по материнской линии был старообрядческим священником, а сам он в 1934 г. помогал бабушке спасти из оскверненного храма иконы.

Афанасьев Л.В., житель села Куйтун (1920 г. р., диктофонная запись 1988 г.):

— От гонений в тридцатых годах целые семьи, молодежь, например, убегали в города. Прибегут в Верхнеудинск — там тетка какая-нибудь есть... И так раньше жили. А остальные погибали там, в ссылке.

— *Из ссылки приходили, рассказывали?*

— Конечно, рассказывали. Тяжелые работы были, подземные работы были. На Колыму отправляли. В самые отдаленные страны отбывали. В этой... В лагеря были. Голодовки были, ну...

— *Мужиков много погибло?*

— А как же? Мужики-то все они в лагерях гибли, некоторых в стрельбу увозили — расстреливать.

— *Сколько домов в селе осталось после раскулачивания?*

— Счас, наверное, село ишо больше стало. Настроился, оно же строится. У нас счас вон посмотрите, что творится? А всего

было 500 дворов. Да вот эти года, после войны стали строиться. А до войны очень много людей вывезли прямо с домами.

— *Дома стояли пустые?*

— Пустые. Ну, пустые избы там заселяли которые. Вот эти, как вам сказать-то? Ну, вот, что бегали раскулачивали-то? Они и заселялись в новые дома. Ну, и сельсовет участвовал, поселял. Ну, какие-нибудь учителя приедут — поселят их в пустые дома.

— *У вас переселенцы были?*

— Были. Это тоже где-то в 31-м — 34-м году. Но у нас не задержались в Куйтуне. В Тарбагатае давали именам дома, вот эти «кулацкие» дома-то и давали именам. Вот семей в Бурнашове много задержалось, до сих пор живут. В Куналее задержались, тоже живут. Ну, по-видимому, оттуда высылали так же, как наших, а здесь они воспринимались, как спецпереселенцы.

— *Семьи большие были у переселенцев?*

— У кого как, но ниже четырех человек в семье не было. Ну, мало какое имущество было у них. Дома-то хорошие отдавали. Ну, оне их и встречали. Эти же «кулацкие» дома им и ставили. Мебель-то у ссыльных отбирали, она в брошенных домах сохранялася. Встречает тебя — пожалуйста, заходи. Некоторые спецпереселенцы сразу убежали обратно. У нас, например, ни одна семья не задержалась. Холоду испугались. Некоторые ничо, привыкли, стали жить. Можя получше там жили, убежали, здесь не понравилось. А которые похуже жили, этих снабдили и они остались.

— *А как единолично жили, помните?*

— Единолично захватил. В семье шесть человек было, мать одна была. Отец в зятях был, дедушко ходил молиться в старообрядческую церковь. И я ходил молился. У нас церковь большая была. Наша — беглопоповцы мы. Обшита реечками. Сильно красивая. А виду такого, как Никольская. Белилами покрашена, а купола зеленые, кресты деревянные, железом покрытые, белые, не ржавели. Бывало, с левой стороны входишь в церковь, там стояла большая Никола, большая икона стояла.

Дедушка Михайло, отец матери, 30 лет он уставщиком был в нашей церкви. Сначала у нас часовня была, потом сломали, дом построили. Телля (келья) назывался. После службы все туда набьются, чай пьют. Вражда началась, в келье молилися, долго молилися там. Дедушко Харитон сказал: «Если че случится со мной,

позвоню!» (Колокола большие были, 33 пуда — самый большой, остальные поменьше). От большого веревка была протянута, на пожар звонить. Лето было, день. Вдруг — колокола позвонили!

Ну, дедушку Харитона увели, проводить даже не успели. Никакого с той поры слуха, ни полслуха не слышно. Родня его давно попомерла. Они не слыхали, куда его сослали. Надеинских мужиков увезли. Палач был, не помню имени, — увез стариков. Иван Артемьич был главный уставщик, богатый. Зоха там был, он церковь работал, матюком не ругался. Дедко Анисим про дедушку Харитона рассказывал, они вместе в ссылке были».

1930-е гг. оставили страшный след в Забайкальских деревнях. Сороковые годы принесли с собой новую беду — наступило суровое время Великой Отечественной войны. Староверы, которые всегда посылали своих мужчин в армию, героически воевали на фронте. В селах остались только старики, инвалиды, женщины и дети. Именно на их плечах держались колхозы в военное лихолетье.

Об этих временах вспоминают жительницы села Тарбагатай Васса Лазаревна и Ненила Якимовна Чебунины (запись 1988 г.).

Васса Лазаревна Чебунина, 1921 г.р.

«В войну-то плохо жили — голодные, холодные были, а все равно — веселые! У нас ни пальта не было, ни тужурки-то чистой не было. Семейская-то вроде одежда была до войны. Семейский-то наряд раньше оденем, куды с добром! А в войну — кулевая юбка (а кулевая юбка известно, как! Грязная вся. Вот знала бы, что шас така жись настанет, кулеву бы юбку вам сохранила да показала). И тужурка така же была — кулевая. С куля сошьем юбку и кофту. Ну-ка, попробуй с куля надеть — все посотрешь ей. Вот коло себя что было, и штанов не было. Сердце заходится! Одиннадцать годов мне было, у школе три класса кончила, в четвертый записалась. По колоски пошла, не насобираала, поехала молотить, копна возить. Хомут деревня надевала! Не умела еще, маленькая. Потом весной боронила два года, два года пахала. Потом трактористкой пятнадцати годов уже стала. И вот на тракторе работала десять лет. Потом вышла замуж. А вот когда жали — серпами жали, по тридцать соток ужинала, косила и по сорок. В общем, работала, и стахановкой все время была. У меня четыре медали! Бригадиром работала».

Ненила Якимовна Чебунина — неграмотная крестьянка из Тарбагатая прожила почти век, она умерла в 2008 г., родилась в 1914. Обладая богатой памятью, она наизусть рассказывала старообрядческие духовные стихи и апокрифы, читала молитвы и знала церковную службу на слух. Ей принадлежит пронзительный рассказ о том, как она хоронила свою мать в 1943 г. В нем запечатлелись детали жизни старообрядцев во время войны. Председателем в Тарбагатайском колхозе был одноногий комиссованный фронтовик. Колхозам спускался сверху план, который необходимо было выполнять ежедневно. Не было и речи о том, чтобы опоздать на работу — можно было попасть под суд. Полуодетые, полуголодные женщины и подростки выполняли фронтовую норму. Мечта о тарелке пшенной каши была почти несбыточной — подбирали колоски, мороженую картошку. Амбары «выметались под метелку» -- и хлеба своего практически не было. Полмешка пшенной крупы и немного ситца на саван — вот и все, что получила Ненила Якимовна на похороны матери, но и это казалось тогда неслыханной роскошью. Несмотря на бедность и полуголодное существование, семейские колхозы выполняли и перевыполняли планы.

Чебунина Ненила Якимовна, жительница села Тарбагатай, запись сделана в Тарбагатае в 1990 г.

«Я вам, девушки, хочу рассказать, как у меня мама помирала. В войну это было, в сорок третьем. Муж на войне был, а я с детьми его дома дожидала, в колхозе денно и ночью работала. А мама моя далеко жила, в Шаралдае. Она болела уже, но не хотела дом свой бросать, и обходилась как-то малым. Ну, вот, и приезжает на коне всадник, я вижу — шаралдайский ен: “Нилка, у тебе мама помираеть!” Крикнул едак-то и ускакал, только пыль за им покурилась. Че же делать? Я на току с другими бабенками работала. Все побросала, к председателю пошла. А ен у нас старик был безногий. Так мол и так, говорю ему, а сама плачу: “Мама у меня помираеть, нельзя ли проститься съездить в Шаралдай?” Ну, он, правда, ниче мне не сказал. Понял, что такими вещами не шутят. “Поезжай, говорить, Нилка, простись с матерью, да назавтре чтоб была на работе”. Мне два раза говореть не надо было, я что было духу домой побежала. В погребе у меня корчажка меду была припрятана, а хлеба краюшку я в соседях выпросила. Поехала.

Вот, приезжаю, а мама на постели лежит. Ручки тоненькие, венки наскрозь синеют. Кожа на лице белая-белая, а нос уж заострился. Я говорю: “Поешь, мама... Я тебе хлебца с медом привезла”. А в те поры это таким богатством считалось, что и не опишешь. Мы сами в войну настоящий хлеб и мед раз в год видели. Амбары ведь все под метелочку выметались, урожай сдавали до последнего зернышка. Колосок на поле взял и в тюрьму угодишь. И не смотрели, дети у тебя на шее либо старики немощные. Сдай все государству, а сам живи на трудодни, на палочки.

Ну, и мама обра-а-адовалась. Хлеба кусочек взяла, в мед его обмакнула и в рот взяла. Жевала-жевала, жевала-жевала. Медленно... А потом и говорит: “Знаешь что, Нилушка, я ить проглотить его не могу”... Выплюнула на ложечку и на стол положила. Тут уж я поняла, что все. Не жилец она. Который человек хлеб проглотить не может, в том жизни уж нет. С мамой я простилась, обнялись мы, поплакали.

Назавтре я уж в колхозе была. План горит, председатель за меня план выполнять не будет. А ишо через день из Шаралдае снова нарочный прискакал: умерла моя мама. Я заголосила и бегом к нашему безногому: “Давай, говорю, Иван Степаныч, мне хоть какие-то продукты на похороны. Нечем маму помянуть, в доме ни крошки нет”.

Он как закричит на меня: “Что я тебе, магазин, что ли? Вон на складе колхозном одне мыши. Иди сама посмотри, ежели не веришь!” А я реву, с места не трогаюсь. Ну, как мне в Шаралдае появиться? Денег у нас сроду не было — за трудодни работали... Гроб надо, одежду новую надо, хоть краюху хлеба надо. Председатель орал-орал, потом затих. “Ладно, дурья твоя башка, вот я тебе бумагу напишу. Полмешка пшенной крупы выпишу, ситцу возьмешь на складе на саван. И все! Чтобы через два дня здесь была, а то сама на себя пеняй!”

Я схватила бумагу ету, руки ему бросилась целовать, он на меня замахал. Побежала. На складе мне отсыпали в мешок полукуля пшенки, дали две буханки серого хлеба да ишо отрез белого материалу, на саван. Я своему счастью не поверила! Теперь маму смогу похоронить не в кулевой одеже. Мы же в войну в кулевой одеже все ходили. Вот кули-то есть, в которых зерно возят? Колючие, жесткие! Вот кулеву юбку сошьешь и таку же

кохту да на работу идешь. Все себе за день посотрешь до крови такой юбкой. А че ж делать? Война...

...Приехала в Шаралдай, а там меня уж встречают. Ребятишки голодные со всех дворов, тетки-соседки. Все ждут поминок. От грех сказать, человек ведь помер, а люди ждут, когда его поминать начнут.

Мама моя лежала уж под образами, на столе. Соседки сказали — во сне померла, а вечером уставшику исповедовалась. Я поплакала над ней, соседки-плакальщицы голосили. Маму обернули в белый саван, в руки иконку дали, в головах крест. Читать над ней Псалтирь стали. Раньше три дня и три ночи над покойником читали, а теперь война, завтра на работе надо быть, иначе под трибунал пойдешь. Соседки над покойницей читают, а я кашу варю на всех. Принесли с колхозного двора котел большущий, в каком до войны варили обед на колхозну бригаду. Ну, и костер во дворе разложили, над огнем подвесили, я кашу варю, половником помешиваю. Через час каша была готова. Кто масло принес конопляное, кто соли. Ребятишки, дак те не отходили от костра.

На кладбище домовину люди на руках несли. Над могилкой все поминальные молитвы пропели, бабы голосили. Хорошо маму похоронили. Вернулись потом во двор, “Отчу” прочли и давай всем кашу раскладывать. Много каши — до краев котел. Всем хватило. А ребятишки дак че удумали? Сняли котел, на траву положили, некоторые влезли в него и давай языками вылизывать! Все так вылизали, что и мыть не надо. Я вышла из избы, смотрю — соседский мальчонка, ему лет пять было, весь как есть залез в котел и дно языком лижет. И смешно, и горько... Хоть один раз за всю войну люди досыта каши поели...».

Из этого пронзительного по своей трагичности рассказа проступают черты быта крестьян-староверов в годы войны. К нему можно добавить воспоминания Ф.Ф. Болонева о том, что в голодное военное лихолетье и в послевоенные засушливые годы «хлеб ели по кусочку два раза в день». Но колхоз в этот период сеял гречиху, засевали даже склоны гор, но на трудодни ее не выдавали, все шло в государственные закрома. После уборки, обмолота и сдачи заготовок, люди собирали на току все до зернышка. «Эта прибавка к скудному пайку помогала поддерживать жизнь крестьянских семей»⁷.

Таким образом, период 1930-1940-х гг. — время достаточно сложное в истории забайкальского старообрядчества. Оно нуждается в более полном и объективном освещении. Этому много помогут живые рассказы очевидцев — жителей семейских деревень, крестьян-старообрядцев, на себе испытавших тяготы создания колхозов, репрессивные меры государства и тяготы военного лихолетья.

Примечания

¹ Болонев Ф.Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992. 224 с.

² Так называемый «выгон» старообрядцев с Ветки и Стародубья был осуществлен в 1735–1764 гг. императрицами Анной Иоанновной и Екатериной II.

³ Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы: семейские. Иркутск, 1920. С.18.

⁴ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 110–121.

⁵ Записки барона А.Е. Розена // Отечественные записки. 1878. № 4. С. 410–412.

⁶ Бестужев М. Дневник путешествия нашего из Читы в Петровский Завод // Воспоминания Бестужевых. М., 1931. С. 334; Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых. Вып. I. Иркутск, 1929. С.82.

⁷ Болонев Ф.Ф. Указ. соч. С. 108.